

УДК 903.5(571.51)

Зеленогорский могильник на реке Кан

Т. А. Абдулов

Иркутский государственный университет

Н. А. Савельев

Иркутский государственный университет

В. В. Алтухов

Центр развития дополнительного образования детей Иркутской области

Аннотация. Изложены материалы открытого в 1999 г. на р. Кан неолитического могильника в районе г. Зеленогорска (Усть-Барга, Красноярск-45). Проведен анализ и сравнение ритуала захоронений и сопровождающего материала с известными погребениями и могильниками Канско-Енисейской лесостепи и более удаленных территорий Средней Сибири. Могильник хронологически неоднороден. Погребение 3 на основании стратиграфических наблюдений, возможно, датируется временем финального мезолита – раннего неолита, погребения 1 и 2 – эпохой неолита. Ритуал отличается разнообразием. Присутствует обряд кремации, обряд вторичного захоронения и частичной ингумации. В погребениях 1 и 2 Зеленогорского могильника сочетаются западные (енисейско-алтайские) черты и признаки, характерные для неолитических серовских погребений Прибайкалья. Разнообразие элементов ритуала, немногочисленный, но выразительный сопровождающий материал, датировка позволяют отнести Зеленогорский могильник к разряду уникальных погребальных памятников региона.

Ключевые слова: Канско-Рыбинская котловина, неолит, мезолит, могильник, погребальный обряд, сопровождающий инвентарь, кремация, вторичное захоронение.

Введение

Длительное время в бассейне р. Кан было известно только два погребальных памятника неолитического времени. Первый, состоящий из трех могил, находится у Долгого озера на западной окраине г. Канска, второй представляет собой погребение на территории многослойного поселения Попиха, на правом берегу р. Кан в 30 км выше Канска [Максименко, 1964; Лысенко, 2006; Тимошенко, 2010].

В 1999–2001 гг. во время проведения разведочных археологических работ в районе г. Зеленогорска (Усть-Барга, Красноярск-45) обнаружен древний могильник, содержащий остатки трех захоронений [Абдулов, Савельев, Алтухов, 2005]. Сам факт обнаружения нового неолитического могильника, где зафиксирован разнообразный ритуальный обряд, немногочисленный, но выразительный сопровождающий материал позволяют отнести Зеленогорский могильник к разряду уникальных памятников Канско-Рыбинской котловины. Настоящая статья посвящена детальному анализу материалов этого памятника.

Материалы и анализ

Могильник расположен на правом берегу р. Кан, напротив верхней по течению части города, на 21-метровом небольшом бугристом останце левого устьевого участка сухого безымянного распадка и в 400 м ниже устья руч. Медвежьего (рис. 1). Орографически район совпадает с пограничной полосой лесостепной Канско-Рыбинской котловины и таежного южного района Енисейского края.

Стратиграфическая ситуация субаэральных отложений, вскрытых в раскопе площадью 22 м², имеет следующий вид (табл. 1; рис. 2, 2):

Таблица 1

Характеристика отложений (литологические слои, сверху вниз)

№ слоя	Краткая характеристика литологического слоя	Мощность, м
1	Современный дерново-почвенный горизонт черного цвета	0,06–0,1
2	Супесь плотная, светло-коричневого цвета	0,12–0,16
3	Супесь плотная, коричневого цвета с постепенным осветлением книзу (атлантическое время). В верхней трети слоя – 1-й уровень находок	0,24–0,28
4	Супесь рыхлая, желтовато-коричневого цвета. На верхней границе слоя – 2-й уровень находок	0,12–0,18
5	Супесь лессовидная, средней плотности, серовато-желтого цвета, с вкраплениями карбонатов	до 2,1

Находки 1-го уровня представлены обломками частично обожженных костей крупного животного и фрагментом челюсти человека. Они зафиксированы в рассеянном состоянии в верхней части стратиграфического слоя 3 на глубине 0,25–0,3 м от дневной поверхности. В центральной части раскопа кости концентрировались небольшим скоплением, в котором можно выделить нижнюю челюсть и отдельные зубы благородного оленя, зафиксированные над черепом погребения № 1. Могильная яма захоронения, вероятно, заложена на данном уровне (рис. 2, б).

Находки 2-го уровня – фрагменты трубчатых костей животного, единичные кремневые изделия (микропластинка и отщеп). Ямка более темного цвета со жжеными костями человека (погребение № 3) зафиксирована на уровне верхней границы литологического слоя 4 на глубине 0,45–0,48 м от дневной поверхности (см. рис. 2, б).

Погребение № 1 (рис. 2, а) располагается в верхнем ярусе могильника. Погребение грунтовое, по характеру захоронения – вторичное. Оно находилось в неглубокой яме, заложеной в пределах погребенной почвы. Верхняя граница ямы условно фиксируется находкой челюсти оленя. Сохранившиеся фрагменты стенок могилы – вертикальные. Яма – овальной формы, ориентирована по линии ССВ–ЮЮЗ (Az = 25°). Длина ее – 1,15 м, ширина – 0,6 м, глубина от дневной поверхности – 0,40–0,42 м. Юго-восточная часть могилы частично перекрывает нижнее погребение, вследствие чего погребение № 2 фрагментарно разрушено.

В захоронении обнаружены останки ребенка 9–10 лет¹. Анатомический порядок скелета нарушен. Череп, располагавшийся затылочным отделом вниз и обращенный лицевым отделом на ССВ, зафиксирован в южной части могильной ямы. Сохранность – неудовлетворительная. К северо-западу от него найдена большая кость предплечья и фрагменты ребер, к северо-востоку – бедренные кости, позвонки, фрагменты ребер, несколько передних зубов, кости плеча и предплечья, ключица.

В северо-восточной части могилы в районе верхнего эпифиза большой берцовой кости обнаружено кольцо из бело-желтого кальцита, орнаментированное по ребру косыми параллельными насечками (рис. 3, 7). Внешний диаметр его – 17 мм, внутренний – 4 мм, толщина – 3 мм. В 35 см к северо-востоку от черепа, у нижнего эпифиза бедренной кости зафиксирована подвеска из лопатки мелкого животного треугольной формы с биконическим отверстием на нижней части, орнаментированная по ребрам по всему периметру насечками (рис. 3, 4). Длина изделия – 35 мм, ширина – 11 мм, толщина – 3 мм. У верхнего эпифиза большой кости предплечья найдена микропластинка (рис. 3, 6).

В 10 см от черепа зафиксирован боковой скребок на крупном овальном, первичном отщепе из кремня (рис. 3, 11). Рядом с ним находился обломок круглого в сечении костяного орудия (стержень?), второй фрагмент которого найден в 32 см к востоку от первого. Длина сохранившейся части первого фрагмента – 166 мм, диаметр – 7 мм, второго фрагмента – 38 мм и 7 мм соответственно (рис. 3, 12а, 12б). В 20 см к северо-востоку от скребка обнаружен клык кабарги с орнаментированными плоскостями (рис. 3, 3). Орнамент – линейный, прочерченный. Косые, поперечные линии нанесены дискретными группами: три группы по две линии на правой плоскости и три группы по три линии на левой. Внешнее выпуклое ребро клыка рассечено косыми короткими насечками. В 8 см к востоку от скребка найден осколок трубчатой кости крупного животного.

Погребение № 2 (см. рис. 2, а) зафиксировано на 8–10 см ниже верхнего и отличается необычным характером погребального обряда. Погребение, по определению Д. В. Пежемского, двухкомпонентное. Погребенный, мужчина 35–40 лет, расчленен на две части. Одна часть помещена в неглубокую могильную яму (около 10 см), заложенную из нижней части литологического слоя 3. Могила овально-удлиненной формы, длиной 1,5 м и шириной 0,75 м, ориентирована, как и яма погребения № 1, с ССВ на ЮЮЗ ($A_z = 20^\circ$). Центральную часть погребения составляет сохранившая анатомический порядок правая верхняя половина костяка (лопатка, ключица, плечевая кость, кости предплечья, часть грудной клетки, позвоночного столба и ребер). Череп отсутствует. Судя по сохранившейся в анатомическом порядке части скелета, погребенный был захоронен лежа на спине и ориентирован по основной линии С–Ю, головой на север. В южной части могильной ямы находились фрагмент верхней челюсти с двумя молярами, отдельные позвонки, фаланги нижних конечностей и пальцев

¹ Предварительный антропологический анализ костяков произведен сотрудником НИИ и Музея антропологии им. Д. Н. Анучина МГУ Д. В. Пежемским, за что мы выражаем ему глубокую признательность.

рук, отдельные ребра. Здесь же, за ее пределами, – кости коленной чашечки и две фаланги пальцев ног. Отдельно в районе правого предплечья располагались несколько фаланг пальцев рук и ребра. Погребальный инвентарь отсутствовал. У северной оконечности могилы зафиксированы осколки костей крупного животного, а в районе предплечья – трубчатая кость птицы (см. рис. 2, а).

Вторая часть костяка обнаружена в 30–50 см к югу-западу от могильной ямы в маломощном кострище овальной формы, вытянутом по линии СЗ–ЮВ. Размер пятна – 0,5×1,05 м. В северо-восточной части кострища расчищено скопление преднамеренно расколотых со следами термической обработки трубчатых костей ног и мелких фрагментов жженных костей черепа человека. По мнению Д. В. Пежемского, характер повреждений костей позволяет отнести их к разряду своеобразных кухонных отбросов – остатков ритуальной «каннибалической трапезы».

Погребение № 3 (см. рис. 2, а) совершено по обряду трупосожжения. Оно обнаружено в неглубокой яме (0,3×0,35×0,09 м) в виде скопления фрагментов обожженных костей, в 1 м к юго-западу от погребения № 2. Общее количество обломков насчитывает 295 ед. В их числе 84 фрагмента костей черепа, 9 фрагментов челюсти и 4 резца. Морфология зубов по характеристике их стертости и уплощенности позволяет предварительно определить возраст погребенного в пределах 35–40 лет. Отсутствие явных следов огня в могильной яме дает возможность выдвинуть предположение, что кремация производилась в другом месте.

Во время разборки и очистки костей в составе скопления выявлены обломки пяти костяных изделий:

- 1) три фрагмента орудия (остроконечника?) овально-треугольного сечения, с орнаментированным приостренным ребром. Орнамент вертикальный, прерывисто-зигзагообразный, из 3-4 насечек в группе (рис. 3, 1);
- 2) девять обломков шлифованного острия. Жало не обнаружено. Сечение изделия в утолщенной части – овальное, в верхней – округлое (рис. 3, 5);
- 3) два обломка однопазового наконечника. Один фрагмент изделия овальный в сечении (рис. 3, 9), второй – округлый (рис. 3, 10);
- 4) два обломка круглого в сечении изделия (остроконечника?) (рис. 3, 8);
- 5) обломок скошенно-уплощенного насада остроконечника (?). Боковое ребро изделия орнаментировано насечками (рис. 3, 2).

Обсуждение

Обсуждая возраст погребений Зеленогорского могильника, на основании стратиграфических наблюдений мы пришли к выводу об их одновременности, ограниченной общими хронологическими рамками в границах среднего голоцена. В соответствии с хронологическими и палеогеографическими стандартами периодизации голоцена Сибири это время совпадает с атлантическим периодом и датируется интервалом 8–4,9 тыс. л. н. [Воробьева, 2010]. Включение погребений в среднюю часть профиля почвы атлантического времени (литологический слой 3) позволило предварительно определить возраст погребений № 1 и 2 в пределах 6–5 тыс. л. н. Это заключение подтверждается датой ^{14}C 5660±100 л. н. (ГИН-10934), полученной по кости из погребения № 1.

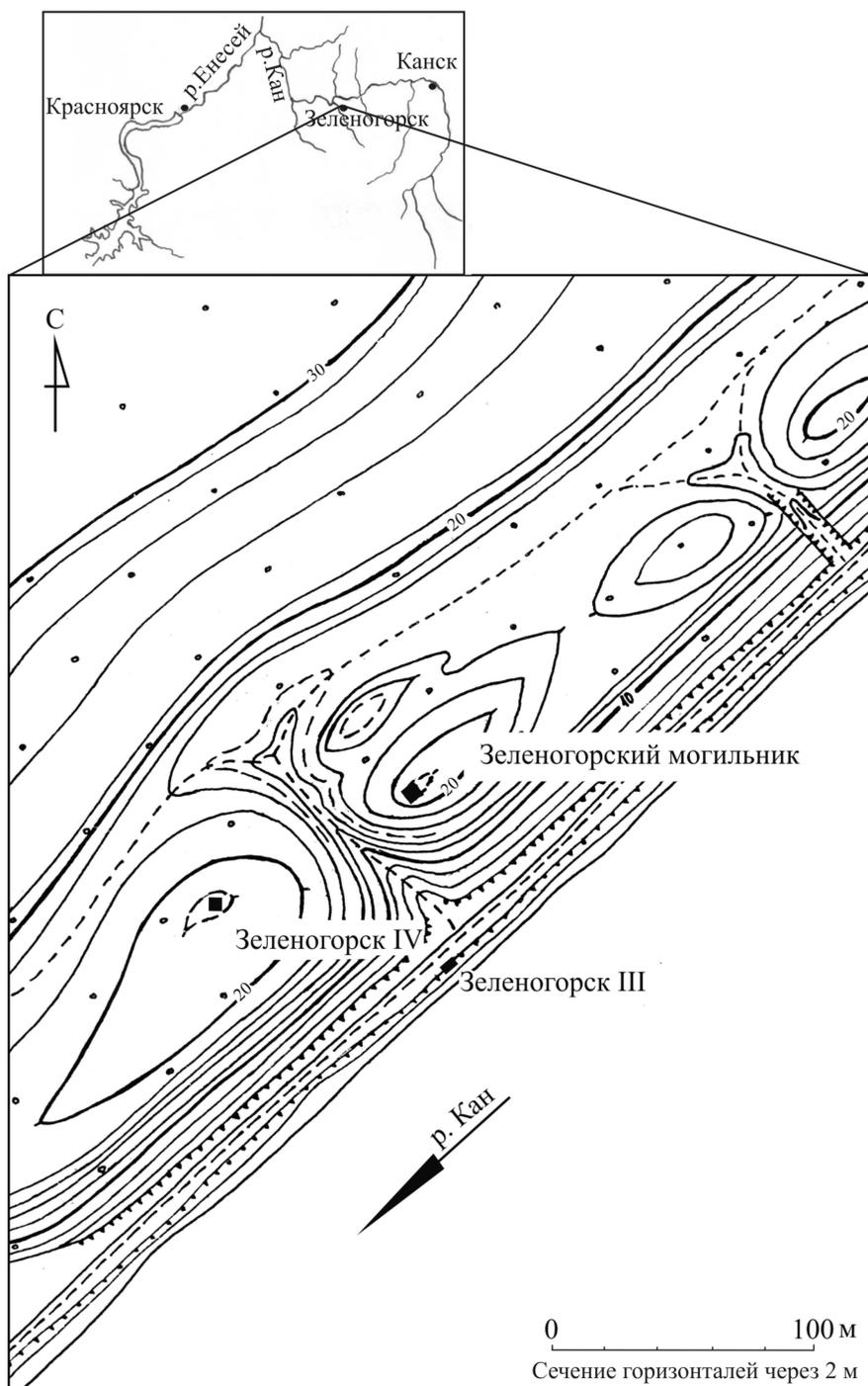

Рис. 1. Зеленогорский могильник.
Место расположения и ситуационный план местности

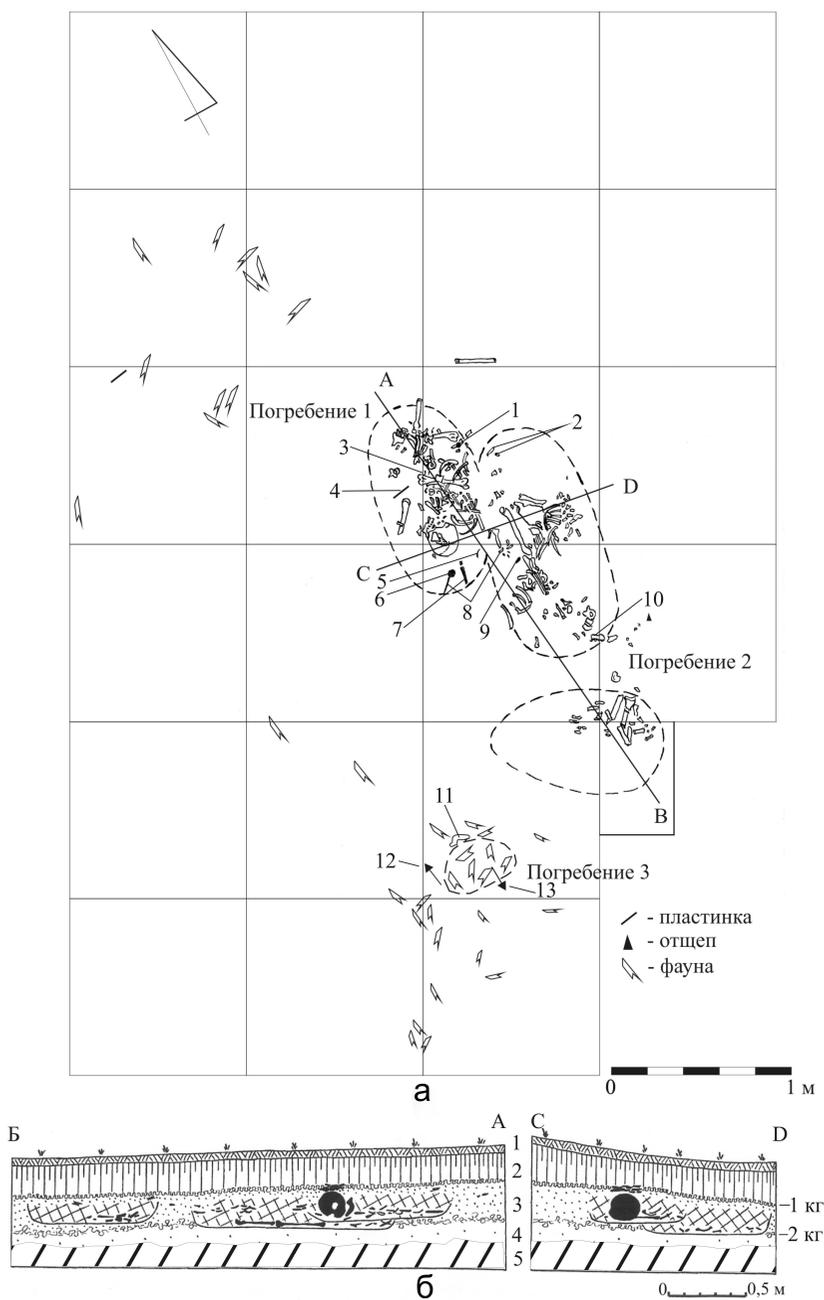

Рис. 2. Зеленогорский могильник:

а – план погребений и 2-го уровня находок: 1 – кольцо из кальцита, 2 – трубчатая кость животного, 3 – костяная подвеска, 4 – кремневая пластинка, 5 – клык кабарги, 6 – скребок из кремня, 7 – трубчатая кость животного, 8 – костяной стержень, 9 – трубчатая кость птицы, 10, 11 – челюсти человека, 12 – костяное острие, 13 – костяной насад; *б* – продольный и поперечный стратиграфические разрезы погребений № 1 и 2 с указанием номеров уровней находок (культурных горизонтов)

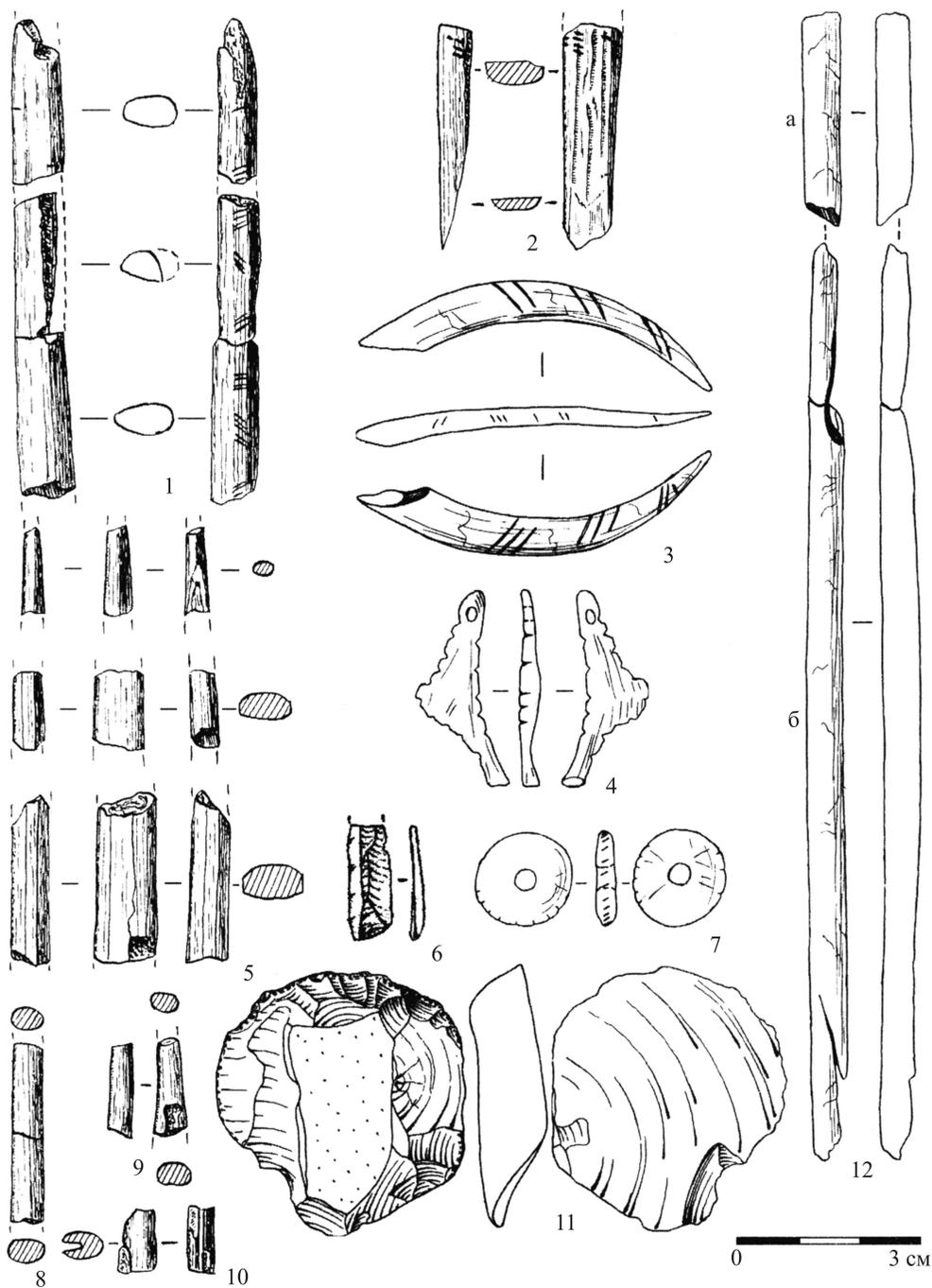

Рис. 3. Зеленогорский могильник, находки:
 1, 2, 5, 8–10 – погребение № 3; 3, 4, 6, 7, 11, 12б, 12а – погребение № 1

По стратиграфическому положению погребение № 3 – наиболее раннее среди могил Зеленогорского могильника, оно приурочено к верхней границе рыхлой супеси желтовато-коричневого цвета (стратиграфический слой 4) и, возможно, датируется интервалом 8–7 тыс. л. н.

В археологическом отношении указанные возрастные пределы соответствуют финальному мезолитическому и неолитическому периодам в Сибири, для которых характерны различные погребальные традиции в широких вариациях.

Определение позиции особенностей погребального обряда, выявленных при раскопках Зеленогорского могильника, в срезе поиска аналогичных традиций и практик среди известных в Сибири погребальных комплексов осложняется рядом причин. В первую очередь это неравномерно выявленная картина географического распространения древних неолитических могильников, в некоторых случаях их хронологическая и культурная неопределенность, а также дискретность известных погребальных традиций во времени и пространстве.

Наиболее наглядно эти положения иллюстрируются на примере территориально близких материалов в пределах Канско-Красноярской лесостепи. Несмотря на то что первые неолитические погребальные объекты открыты здесь еще в конце XIX в. [Савенков, 2003], количество их невелико, возраст и культурная принадлежность погребений в большинстве случаев не определены [Окладников, 1949; Глусская, 1963а, 1963б; Максименко, 1964; Макаров, 1992; Лысенко, 2006; Тимошенко, 2010].

Что касается Зеленогорского могильника, представленного тремя захоронениями, то здесь также наблюдается разнообразие погребальных практик: обряд кремации (погребение № 3), обряд ингумации (положение умершего – на спине) с частично сохранившимся посткраниальным скелетом (погребение № 2) и обряд вторичного захоронения (погребение № 1).

Несмотря на явные отличия, все погребения имеют и близкие черты. Во-первых, это следы воздействия огня в той или иной форме (обожженные кости изюбря в погребении № 1, кострище и жженные кости возле погребения № 2, кремация останков из погребения № 3). Во-вторых, в каждом захоронении присутствуют предметы из кости, в большинстве случаев украшенные мелкими насечками (подвеска из лопатки животного, клык кабарги с насечками в погребении № 1, трубчатая кость птицы и фрагменты битой трубчатой кости животного (заготовки?) в погребении № 2, многочисленные острия и стержни с насечками в погребении № 3). В-третьих, все погребения – грунтовые, без надмогильных и внутримогильных сооружений. Кроме того, могильные ямы погребений № 1 и 2 ориентированы одинаково.

Определение культурной принадлежности погребений вызывает некоторые трудности. По совокупности черт погребального обряда, наличию своеобразного сопровождающего материала, представленного в основном изделиями из кости, комплексы Зеленогорского могильника не находят полных аналогий среди неолитических погребений Западной и Восточной Сибири. Что касается отдельных черт погребального обряда, то они широко распространены и представлены в различных по хронологии погребальных традициях позднего мезолита и неолита Восточной Сибири [Базалийский, 2012].

Так, следы частичного сожжения зафиксированы в могиле «Новый ангарский мост», расположенной на левом берегу р. Ангары в черте Иркутска. Погребение представлено останками обгоревших человеческих костей. Сопровождающий материал, состоящий из четырех вкладышевых лезвий и шести призматических пластин, располагался слева от костяка. Исходя из того, что кости нижних конечностей находились в области грудной клетки, можно предположить, что перед сожжением труп находился в скорченном положении с прижатыми к груди ногами. На основании ряда признаков и абсолютного возраста погребения (~7530 л. н.) В. И. Базалийский включил его в группу щукинской погребальной традиции финальномезолитического времени [Базалийский, 2012].

Признаки частичного или полного сожжения погребенного отмечены в серовской неолитической традиции Прибайкалья [Окладников, 1950]. Кремация усопшего зафиксирована также в захоронении на ул. Узенькой в Красноярске. Здесь под керамическим сосудом найдены обгоревшие кости человека, а рядом – перламутровые бусы и два костяных острия. А. П. Окладников на основании анализа орнамента сосуда, наличия перламутровых бусин и других признаков отнес это захоронение к захоронениям североангарской общности серовской культуры [Окладников, 1957].

Погребение № 3 Зеленогорского могильника вследствие своеобразия нельзя отнести ни к щукинской (финального мезолита), ни к поздненеолитической серовской традициям.

Грунтовые могилы без надмогильных сооружений и заполнения ям камнями в Байкальской Сибири характерны для ранненеолитической китойской погребальной традиции (основная группа), возраст которой определен периодом 7000–6000 л. н. Погребения № 1 и 2 Зеленогорского могильника моложе их и хронологически соответствуют поздненеолитическим серовской и исаковской традициям, для которых характерно наличие грунтовых могил, оформленных надмогильными кладками, и заполнение могильных ям камнями [Базалийский, 2012].

В Красноярском крае известен ряд погребений неолитического времени – у руч. Гремячего на Енисее и на Афонтовой горе в Красноярске [Окладников, 1949; Глусская, 1963а, 1963б], обладающих рядом общих признаков. Для них характерны ориентация по линии В–З, грунтовые ямы, положение умерших (вытянуто, на спине), некоторая нарушенность анатомического порядка костей скелета, возможно, связанная с обычаем вторичного захоронения. Над погребением у руч. Гремячего зафиксированы следы кострищ, что свидетельствует об использовании огня в погребальной практике. Эти комплексы датируются второй половиной III тыс. до н. э. [Хлобыстин, 1996]. По ряду признаков, включая наличие кострища, они сильно сближаются с погребением № 2 Зеленогорского могильника.

Признаки возможного каннибализма, зафиксированные в погребении № 2 Зеленогорского могильника, не находят полных аналогов. Однако отметим, что в материалах 10-го культурного горизонта многослойного местонахождения Пещера Еленева близ Красноярска обнаружены расколотые кости четырех индивидов. Возраст слоя в соответствии с ¹⁴C-датировкой – 4655±30 л. н. (СОАН-2905) и 4930±55 л. н. (СОАН-3295) [Пещера Еленева ... , 1992]. Существует также мнение, что деформация и повреждение костей погребенных могут являться следствием деятельности хищников [Тернер, Оводов, Павлова, 2003], и этот вопрос требует дополнительных исследований.

По ряду признаков (расположение умершего на спине, ориентация головой на север) погребение № 2 Зеленогорского могильника аналогично неолитическим погребениям Алтая и Кузнецкой котловины: Усть-Иша, Солонцы 5, Кузнецкий могильник, Иткуль. Эти могильники датируются IV–V тыс. до н. э. [Молодин, 1999; Кунгурова, 2005].

В последние годы, в связи с проведением работ в зоне затопления Богучанской ГЭС, на Нижней Ангаре открыты и частично изучены несколько неолитических могильников и отдельных захоронений. Особый интерес вызывает могильник Сосновый Мыс, расположенный на о. Сосновом напротив д. Ёдармы. Могильник – грунтовый, в трех могильных ямах из семи зафиксированы внутримогильные кладки, все имеют следы засыпки охрой. Погребенные расположены вытянуто, на спине, головой на восток, поперек реки, анатомический порядок костяков в шести случаях нарушен. Среди сопровождающего инвентаря отмечен клык кабарги в одной из могил. Авторы исследования склонны датировать могильник возрастом 7–5 тыс. л. н. и отмечают его особенность в сочетании элементов китойской и серовской погребальных культур [Савельев, Тимошенко, Бадмаев, 2011]. По наличию грунтовых могил, положению погребенных (вытянуто, на спине), отсутствию камней в могильных ямах (в четырех случаях), наличию клыка кабарги и относительной хронологии данный могильник близок к погребениям Зеленогорского могильника.

Кольцу из кальцита, обнаруженному в погребении № 1, имеются аналогии в погребениях позднеолитического серовского и раннебронзового глазковского времени Прибайкалья [Окладников, 1950]. Наличие изделий из кости (острия, обоймы для составных орудий) также характерно для серовской погребальной традиции [Базалийский, 2012].

Выводы

Сравнительный анализ особенностей погребальной практики и сопровождающего материала Зеленогорского могильника показал, что данным комплексам нет полных аналогов среди неолитических погребений Западной и Восточной Сибири. Что касается отдельных черт погребального обряда, то они территориально представлены достаточно широко и отмечены в различных погребальных традициях позднего мезолита и неолита Средней Сибири. Мы склонны считать, что в погребениях № 1 и 2 Зеленогорского могильника сочетаются как западные (енисейско-алтайские) черты, так и признаки, характерные для неолитических серовских погребений Прибайкалья. Это можно объяснить тем, что долина р. Кан, так же как и долина р. Ангары, являлась транзитной зоной, на территории которой происходили активные процессы культурного взаимодействия населения Западной и Восточной Сибири, о чем в свое время писал А. П. Окладников [Окладников, 1957]. Погребение № 3, судя по всему, – более раннее и вследствие своеобразия погребального ритуала и инвентаря в относительной хронологии комплексов Зеленогорского могильника стоит особняком. Ясность в проблему культурно-хронологической атрибуции охарактеризованных захоронений внесет только серийное радиоуглеродное датирование.

Список литературы

Абдулов Т. А. Археологические работы в районе г. Зеленогорска Красноярского края / Т. А. Абдулов, Н. А. Савельев, В. В. Алтухов // Истоки, формирование и развитие евразийской поликультурности. Культуры и общества Северной Азии в историческом прошлом и современности : материалы I (XLV) Рос. с междунар. участием археол. и этногр. конф. студентов и молодых ученых (РАЭСК-XLV). – Иркутск, 2005. – С. 13–14.

Базалийский В. И. Погребальные комплексы эпохи позднего мезолита – неолита Байкальской Сибири: традиции погребений, абсолютный возраст / В. И. Базалийский // Изв. лаборатории древних технологий. – Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2012. – С. 43–101.

Воробьева Г. А. Почва как летопись природных событий Прибайкалья (проблемы эволюции и классификации почв) / Г. А. Воробьева. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2010. – 205 с.

Глусская З. К. Женщина негроидного типа в неолите под Красноярском / З. К. Глусская // Материалы и исследования по археологии, этнографии и истории Красноярского края. – Красноярск, 1963а. – С. 29–38.

Глусская З. К. Новое в искусстве неолита на Енисее / З. К. Глусская // Материалы и исследования по археологии, этнографии и истории Красноярского края. – Красноярск, 1963б. – С. 33–48.

Кунгурова Н. Ю. Могильник Солонцы-5. Культура погребенных неолита Алтая / Н. Ю. Кунгурова. – Барнаул : Юрид. ин-т МВД, 2005. – 128 с.

Лысенко И. А. Неолитический могильник у озера Долгого / И. А. Лысенко // Археология, этнология, палеоэкология Северной Евразии и сопредельных территорий. – Красноярск : РИО КГПУ, 2006. – Т. 1. – С. 48–51.

Максименков Г. А. Могильник у Долгого озера в г. Канске / Г. А. Максименков // Вопросы антропологии. – 1964. – Вып. 18. – С. 132–134.

Молодин В. И. Неолитическое погребение на озере Иткуль и некоторые соображения по поводу погребальных компонентов данной эпохи в предгорьях и горах Алтая / В. И. Молодин // Проблемы неолита – энеолита юга Западной Сибири. – Кемерово : Кузбассвузиздат, 1999. – С. 36–57.

Окладников А. П. Неолитические погребения на Афонтовой горе / А. П. Окладников // КСИИМК. – М., 1949. – Вып. 25. – С. 7–14.

Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья: Историко-археологическое исследование / А. П. Окладников. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1950. – Ч. 1, 2. – 411 с.

Окладников А. П. Из истории этнических и культурных связей неолитических племен Среднего Енисея / А. П. Окладников // СА. – 1957. – № 1. – С. 26–55.

Пещера Еленава – многослойный голоценовый археологический памятник на Среднем Енисее / Н. П. Макаров, Н. В. Мартынович, Н. Д. Оводов, А. Ф. Ямских, Г. Ю. Ямских, Л. А. Орлова, В. И. Цепкин, В. М. Чхиквадзе // Проблемы археологии, истории и краеведения Приенисейского края. – Красноярск : Изд-во КГУ, 1992. – Т. 1. – С. 111–120.

Савельев Н. А. Спасательные работы пятого Усть-Илимского отряда на памятнике Сосновый Мыс в 2011 году / Н. А. Савельев, А. А. Тимошенко, Д. А. Бадмаев // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – Т. 17. – С. 457–462.

Савенков И. Т. Об остатках эпохи неолита, найденных в Енисейской губернии (Восточная Сибирь), на берегах Енисея, около устьев рек Базаиха и Чадобец / И. Т. Савенков // Древности Приенисейской Сибири. – Красноярск : РИО КГПУ, 2003. – Вып. 2. – С. 87–90.

Тернер К. Дж. Перимортальная тафономия скелетных остатков и одонтологические данные о родственных связях древних обитателей пещеры Еленава в Краснояр-

ском крае / К. Дж. Тернер, Н. Д. Оводов, О. В. Павлова // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2003. – № 3. – С. 49–57.

Тимощенко А. А. Археологическое местонахождение Попиха на р. Кан / А. А. Тимощенко // Евразийское культурное пространство. Археология, этнология, антропология : материалы докл. V (L) рос. (с междунар. участием) археол.-этногр. конф. студ. и молодых ученых. – Иркутск, 2010. – С. 171–174.

Хлобыстин Л. П. Восточная Сибирь и Дальний Восток / Л. П. Хлобыстин // Археология. Неолит Северной Евразии. – М. : Наука, 1996. – С. 270–330.

Zelenogorsk Cemetery on Kan River

T. A. Abdulov, N. A. Saveliev, V. V. Altukhov

Abstract. This article presents materials of the Neolithic cemetery near Zelenogorsk (Ust-Barga, Krasnoyarsk-45) that was found in 1999. The analysis and comparison of the mortuary ritual and accompanying equipment of known burial grounds and cemeteries of Kansk-Enisey forest-steppe and more distant territories of Central Siberia were done. The cemetery is heterochronous. On the grounds of stratigraphic survey we attribute the grave № 3 with Early Neolithic – Mesolithic and the graves № 1 and 2 with Neolithic time in a wide range. Mortuary rituals are various and represented with cremation, secondary burial and partial inhumation. The graves № 1 and 2 combine Enisey-Altai and Cis-Baikal Serovo Neolithic burial characteristics. Various mortuary ritual, sparse but significant accompanying equipment and chronological dating single out Zelenogorsk cemetery as unique and markworthy burial ground of the region.

Keywords: Zelenogorsk cemetery, mortuary ritual, accompanying equipment, cremation, secondary burial, Neolithic, Mesolithic, burial tradition.

Абдулов Тагир Абдулович

инженер, кафедра археологии, этнологии, истории древнего мира
Иркутский государственный университет
664003, Россия, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1
e-mail: tagir.abdulov@yandex.ru

Abdulov Tagir Abdulovich

Engineer, Department of Archaeology, Ethnology, History of the Ancient World
Irkutsk State University
1, K. Marx st., Irkutsk, Russia, 664003
e-mail: tagir.abdulov@yandex.ru

Савельев Николай Александрович

кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры археологии, этнологии, истории древнего мира
Иркутский государственный университет
664003, Россия, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1
e-mail: archeolog@hist.isu.ru

Saveliev Nikolai Alexandrovich

Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Associate Professor of Department of Archaeology, Ethnology, History of the Ancient World
Irkutsk State University
1, K. Marx st., Irkutsk, Russia, 664003
e-mail: archeolog@hist.isu.ru

Алтухов Вадим Вениаминович

заведующий отделом
Центр развития дополнительного образования детей Иркутской области
664007, г. Иркутск, ул. Красноказахья, 9
e-mail: a937571@yandex.ru

Altukhov Vadim Veniaminovich

Department Head
Additional Child Development Center of Irkutsk Region
9, Krasnokazashai st., Irkutsk, Russia, 664007
e-mail: a937571@yandex.ru